

Специфика выражения авторского сознания в «маленькой поэме» Н. Ишуткина

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена рассмотрению специфики творческого мировосприятия мордовского писателя Н. Ишуткина, интерпретации им взаимосвязей человека и мира. Предметом анализа стали способы и формы репрезентации авторского сознания в его «маленькой поэме». Актуализированные в работе проблемы вписываются в комплекс исследований современного финно-угорского литературоведения.

Цель: проанализировать архитектуру, проблемно-тематическую направленность «маленькой поэмы» Н. Ишуткина, средства структурирования в ней художественного образа, обусловленные особенностями авторского мировосприятия, его эстетической концепцией мира и человека.

Материалы исследования: «маленькие поэмы» Н. Ишуткина «Священное древо», «Обездоленная Русь», «Послевоенные дети».

Результаты и научная новизна. «Маленькие поэмы» Н. Ишуткина впервые становятся объектом научной рефлексии и вводятся в контекст финно-угорского литературоведения. В результате скрупулёзного анализа эмпирического материала автор приходит к заключению о том, в «маленьких поэмах» Н. Ишуткин обращается к осмыслению разных этапов истории страны и художественному выражению образа личности определённой социокультурной среды. Автор воспринимает действительность синкретично: его интересуют взаимоотношения человека и мира, индивидуума и социума во всем многообразии их проявлений. Для «маленькой поэмы» Н. Ишуткина характерны лаконичность сюжета, пунктирность его развития, эклектичность поэтической ткани, эксплицитное воссоздание событий и фактов действительности.

Ключевые слова: Н. Ишуткин, мордовская поэзия, «маленькая поэма», авторское сознание, проблемно-тематический кластер, мотивно-образный код.

Для цитирования: Шеянова С. В. Специфика выражения авторского сознания в «маленькой поэме» Н. Ишуткина // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 130–138.

The specifics of the expression of the author's consciousness in the «little poem» by N. Ishutkin

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the consideration of the genre strategy of poem in the in creativity of N. Ishutkin. Subjects of analysis are the methods and forms of representation of the author's consciousness in his «little poem». The problems actualized in the work fit into the complex of studies of modern Finno-Ugric literary criticism.

Objective: to analyze the architectonics, the problem-thematic focus of the «little poem» by N. Ishutkin, as well as the means of structuring of the artistic image, which are due to the peculiarities of the author's worldview, his aesthetic conception of the world and man.

Research materials: the «little poems» by N. Ishutkin «The Sacred Tree», «Unfortunate Russia», «Post-War Children».

Results and novelty of the research: the «little poems» by N. Ishutkin for the first time becomes the object of scientific reflection and are introduced into the context of Finno-Ugric literary criticism. As a result of the scrupulous analysis of empirical material, the author comes to the conclusion that in the «little poems» N. Ishutkin refers to the comprehension of different stages of the country's history and the artistic expression of the image of a person of a certain sociocultural environment. The author perceives reality syncretically: he is interested in the relationship between man and the world, an individual and society in the whole variety of their manifestations. The «little poem» by N. Ishutkin is characterized by the laconicism of the plot, fragmentariness of its development, the eclecticism of poetry, explicit recreation of events and facts of reality.

Key words: N. Ishutkin, Mordovian poetry, «little poem», author's consciousness, problem and thematic cluster, motif and image code.

For citation: Sheyanova S. V. The specifics of the expression of the author's consciousness in the «little poem» by N. Ishutkin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 130–138.

Введение

Изучение современной литературной системы, анализ динамического художественного материала, оценка поэтических манифестаций работающих в настоящее время авторов при отсутствии временной дистанции, достаточной для выверенного взгляда на творческий процесс, – сложная задача для исследователя. С другой стороны, без осмысления «живых» явлений невозможно постижение всей сложности литературного дискурса, ориентированного на экспериментаторство, представляющего оригинальные творческие стратегии, различные вариации рефлексии традиционных проблемно-тематических кластеров, мотивно-образных кодов. Данные тенденции прослеживаются в современной поэтической системе Мордовии в целом, в жанре поэмы в частности.

Следует сказать, что теоретические и практические вопросы поэмы не оказываются на периферии научного интереса. Оригинальные наблюдения о закономерностях его становления и функционирования, локальный анализ текстов содержатся в отдельных статьях национальных литературоведов, кандидатских диссертациях, монографиях. Фундаментальные положения, касающиеся жанровой природы мордовской поэмы, её национально-философской специфики, высказаны в работах А. В. Алёшкина, который справедливо определяет поэму как «довольно гибкий и подвижный жанр, способный ...оперативно откликаться на идейно-эстетические запросы современности, быстрее, чем другие жанры, аккумулировать в себе перемены в художественном мышлении» [1, 175].

Содержательный анализ генезиса, факторов развития мордовской поэмы, её типологических взаимосвязей с данным жанром в других финно-угорских литературах, трансформация

архитектоники жанра представлен в статье О. И. Налдеевой [10]. Специфика функционирования жанра поэмы в русскоязычной поэзии Мордовии конца XX – начала XXI века, её жанрово-видовые модификации, содержательные и формальные признаки, особенности сюжетно-повествовательной основы находят осмысление в работе С. П. Гудковой [5].

При всей значимости проведённой исследовательской работы вопросы, отражающие тенденции развития жанра поэмы в художественном дискурсе Мордовии, процесс трансформации её жанровых признаков, обновления внутрижанровой формы, нуждаются в скрупулёзном рассмотрении и уточнении.

Особую актуальность в свете обозначенных проблем обретает изучение специфики функционирования в мордовской литературе «маленькой поэмы», её семантической и идейно-эстетической содержательности. Данная форма – достаточно редкое явление в национальной поэзии, активизировавшееся лишь в последние годы. Для неё характерны «ослабление эпического, объективно-повествовательного начала», выступление «элементов сюжета, имеющего свойства лирического, в качестве вспомогательного средства в раскрытии поэтической идеи», усиление субъективного, личностного начала, эмоциональности, условно-метафорического пласта, символизации» [7].

В контексте теоретического осмысления жанровой природы, видовых особенностей «маленькой поэмы» одной из концептуальных задач мордовского литературоведения является анализ авторского мировидения как целостной эстетической системы. На наш взгляд, взаимосвязанное изучение специфики «маленькой поэмы» в национальной поэтической парадигме и форм авторского самовыражения – продуктивная исследовательская стратегия, имеющая

целью научную рефлексию самобытности индивидуально-художественного мира отдельного автора в контексте эволюционных процессов, происходящих в литературе региона и объективную оценку уровня развития национальной словесности в целом.

Теоретические и практические вопросы крупной лирики рассмотрены зарубежными учёными [17; 18; 19; 20; 21], представляющими интересные литературоведческие гипотезы и исследовательские стратегии, в частности, анализ особенностей становления канонов поэмы в историческом разрезе, осмысление формирования поэтики жанра в гендерном измерении, изучение закономерностей её межжанрового взаимодействия, эволюции эпического героя и др.

Материалы и методы

Материалом исследования явились «маленькие поэмы» Н. Ишуткина «Священное древо», «Обездоленная Русь», «Послевоенные дети», которые впервые становятся объектом научной рефлексии и вводятся в контекст современного финно-угорского литературоведения.

В работе использован ряд традиционных методов литературоведческого исследования: культурно-исторический, структурно-описательный, структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста. Комплексное исследование литературного материала обеспечивает объективность, содержательность представленных в статье умозаключений и положений.

Результаты

Как известно, эволюция литературного дискурса обусловлена не только внешними, социально-историческими, общественно-культурными, но и имманентными факторами. К внутрилитературным следует отнести деятельность ярких творческих индивидуальностей, которые обогащают традиционные жанровые формы, тематические коды оригинальными художественными находками, творческими экспериментами. В последние десятилетия активно проявляет себя в этом плане Н. Ишуткин, «каждая творческая манифестация которого – проекция индивидуально-авторского миропонимания и факт осмысления национально-самобытного духовного мира» [2].

Н. Ишуткин – поэт-лирик, способный тонко передавать эволюцию внутренних эмоций

в разнообразии их проявлений (об этом свидетельствуют лирические сборники «Утренняя звезда», «Звёздный дождь», «Пейзаж души», «Поцелуй бабьего лета»), проявил себя мастером реконструкции эпической панорамы общественно-исторического движения. Его обращение к «крупной поэтической форме» (В. И. Тюпа) следует воспринимать «способом самовыражения, демонстрации внутреннего духовного поиска» [4], что реализовалось в достаточно редкой в национальной литературе форме «маленькой поэмы».

Одной из духовных потребностей современного общества является изучение идентичности нации в разные периоды исторического развития. По утверждению исследователей, «значительную роль в формировании национально-культурной идентичности играют произведения искусства. Создавая эмоционально-окрашенные образы прошлого, культурные символы, они влияют на развитие исторического сознания, становление системы ценностей» [9]. Вызывает интерес художественная интерпретация Н. Ишуткиным исторической судьбы, духовной культуры эрзянского народа.

В поэме «Священное древо» эксплицируемые события осмысливаются через призму мифологического сознания. Одним из центральных образов в мифологической системе разных народов является архетип мирового древа, посредством которого репрезентуется космологическая модель мира. По утверждению мордовских исследователей, в мифологии этноса «Великое Древо – наиболее конкретный и зримый образ Мироздания» [16], «центр вселенной, стержень, вокруг которого происходит видимая и невидимая жизнь всего космоса» [12], материализованный образ соединения земли и неба, олицетворяющий собой мировую гармонию.

Согласно мифологическому миропониманию древних эрзян и мокшан, именно могучий дуб, который был «наиболее распространённым объектом и местом поклонения мордвы», возле которого «устраивались разные общественные моления, обряды с жертвоприношениями» [6], выступает в качестве Мирового Древа, соотносимого с трёхступенчатой космической вертикалью, обеспечивающей существование мирового пространства. Архетипический образ дуба зафиксирован в песенных традициях мордвы, в частности, в эпической песне «Раздача счастья» [14, 44].

В литературном пространстве региона, по утверждению исследователей, архетип «мировое

древо» выступает как «специфическая проекция некоего универсального архетипического символа, соединяющего земное и небесное, представляющее собой вечное единство духа и плоти, высокого и низкого, жизни и смерти» [13]. Образ «мирового древа» как одного из базовых архетипов, символизирующих собой модель мироздания, древо жизни, древо познания, древо плодородия и т.д. находит интерпретацию в творческих опытах А. Куторкина, К. Абрамова, А. Доронина, А. Пудина, В. Гадаева и других авторов.

Первая глава поэмы «Священное древо» не только репрезентует основной объект изображения, но и очерчивает вектор авторской мысли, уточняет мотивный комплекс произведения в целом. Поэт словно ведёт читателя из одной исторической эпохи в другую. Предваряет повествование картина глубокой древности: «На берегу Суры давным-давно, / В красивом, отведённом Богом месте, / Росли три дуба – три богатыря» [8, 290]. Для предков эрзян они служили священным местом для проведения языческих родовых молений – Репештей. «К ним, могучим трём дубам, / Ходили наши предки помолиться...» [8, 290]. Автор точно передаёт содержание и сакральный смысл молений: «И в это время замолкали птицы... / Все просьбы молча слушали дубы. / ... И вскоре просьбы многие из тех / У каждого просившего сбывались» [8, 290]. Священные деревья осмысливаются одухотворенным организмом («головами к небу прислонялись», «все просьбы молча слушали дубы», «передавали эти просьбы Богу»), обеспечивающим природный баланс, гармоничное существование древнего общества, а общение с ними – духовной потребностью наших предков. В мифологическом пространстве поэмы присутствует Бог как знак бесконечности, пропитывающий всё то, что представляет собой жизненный круг: «Ведь каждый предок верующий знал, / Что всё, что есть, ниспослано им Богом!» [8, 290].

В сюжете произведения автор соединяет таинственную древность и обыденную современность. Со временем «высохли могучие два дуба, / Лишь самый стойкий выжил из троих» [8, 291]. Настали времена, «и человек о нём совсем забыл...». Лишь через сотни лет «дуб снова подал голос». К старому дереву «женщина пошла молить о детях». «На землю телом падала она / И долго плакала под деревом этим, / О самом сокровенном в этот миг / Она с могучим дубом говорила» [8, 292]. Мольбы женщины были услышаны, «...исполнилась мечта её благая: /

Та женщину девчонку родила» [8, 292]. С тех пор «в любое время и во все года» к дубу приходят люди со своими бедами, надеждами, обращаются к нему за помощью. Как утверждают исследователи, «на земле немало мест, которые вызывают повышенный интерес у людей. ...Говорят, что в этих местах необычная энергетика» [3]. Вековой дуб воспринимается современниками автора «местом силы», наделяется магическими свойствами («надежды дарит, молится за всех», «желания людские исполняет», «приносит счастье»), чудесным даром исцеления. Раскрывая восприятие людьми священного дуба в разные эпохи, автор анализирует действительность, взаимоотношения в социуме, психологию человека, этнические особенности характера.

В поэме «Священное древо» посредством мифологемы «мировое древо», воплощающей универсальную концепцию мира, воссоздана национальная картина бытия, передана мировоззренческая суть, жизненная философия эрзян. Обращение Н. Ишуткина к интерпретации данного образа обусловлено стремлением к реанимированию этномифологического сознания, определению национально-культурного кода, актуализацией вопроса о сохранении национальной идентичности эрзян, что особенно важно в условиях деэтнизирующей действительности. Именно этим вызван эмоциональный возглас автора: «...И если древо всё ещё живёт, / То обойдёт эрзян беда любая, / И не умрёт эрзянский мой народ!» [8, 295]. Архетип «мирового древа» в рефлексии поэта получает семантику древа жизни, возрождения народа. Он является не только моделью мироздания, но и гарантом продолжения рода.

В поэме «Обездоленная Русь» Н. Ишуткин реализует сложную творческую задачу – осмыслить историческую судьбу эрзянского народа в контексте многовековой истории Руси. «Эстетический объект» (М. М. Бахтин) отличается широтой временного хронотопа – охватывает несколько столетий. Композиционно произведение построено как монтаж картин разных исторических эпох, представленных с нарушением хронологии, вследствие чего возникает ощущение, с одной стороны, эпической монументальности воссоздаваемого, с другой, очевидна фрагментарность повествования, которая, всё же, сглаживается единым мотивом страдающей России. К тому же автор избегает искусственного наращивания событийного ряда, он фиксирует неординарные, судьбоносные события из истории

Российского государства. Правомерно говорить об эксплицитной манере рефлексии им явлений и фактов исторической действительности.

Борьба Руси с внешними врагами, надежда населяющих её народов на вольную и счастливую жизнь переданы эмоционально и метафорично. Символом врага «седой Руси» выступают устоявшиеся в литературе образы зверей («над мирной Русью звери издевались»), грома («раскаты грома тяжко раздавались», «гром сотрясал её и наши души»), дьявола («дьявол призывал всё разрушать»), ворон («летали, небо чернотой стеля, мрачнее смерти вороны-проклятья»). Победа над врагом не принесла стране счастья и процветания: «Увы... Надежды наши не сбылись – / Ударились о вечный лёд страданий. / О счастье нашей доблестной страны / «забеспокоился» опять лукавый» [8, 306]. Ощущение горечи, разочарования от иллюзорности счастья передаются посредством символики. Одновременно автор отказывается от условной образности, к примеру, в процессе воссоздания объективных социально-экономических реалий – неэффективной экономической политики («и топчется страна на том же месте», «воруйте вновь, / Воруйте, сколько влезет...»), разрушения колхозной системы, что привело к вымиранию села и другим негативным последствиям («и разрушать, конечно же, не строить. / Поэтому и рушится село, / И вымирают языки народов...») – он обращается к арсеналу реалистичных средств образности, выражающих достоверность общественных фактов, осознанность жизненного материала.

Поэт скрупулёзно анализирует историко-политические, общественно-культурные обстоятельства и приходит к выводу о том, что причины разорения «великой страны» – не только внешние, но и духовные – забвение древних народных традиций, отказ от этнической памяти, нравственных постулатов, моральных принципов предков. В авторской философии бытия, бездуховность – самое большое зло, которое «не родит великих славных дел, / Нельзя давать ему большой дороги» [8, 311]. В последней части поэмы ключевым мотивом гуманистического учения поэта становится идея божественности: «У человека мудрый есть удел – / Идти по жизни с добрым сердцем к Богу» [8, 311]. Следует говорить о том, что несмотря на глубокий критицизм авторской мысли, поэма имеет позитивный пафос, утверждает общечеловеческие ценности добра, справедливости, мотив признания

достоинств «доблестных героев», веры в то, что «светлее будет жизнь под небосводом».

В поэме излагаются национально-государственные идеи автора, его представления о судьбе эрзянского народа в контексте общероссийской истории, геополитических интересах страны, роли личности в преобразовании государства. Центральным образом Руси является деревня как место и фактор формирования национального характера. В процессе размышлений о её настоящем и будущем поэт-реалист отказывается от мажорного тона, катастрофичность сложившейся ситуации передаётся посредством диалога с мифологическим персонажем – покровительницей земли Маторавой: «...И Маторавы плачет, говоря: / Ты встанешь на ноги? / Пройдёт ли тяжкий сон? / Или не встанешь, снова не окрепнешь? / И отвечает пьяное село: Ох, Маторавы, во хмелю быть легче...» [8, 307]. Неопределённость будущего подчёркивается доминированием вопросительных фраз «Когда ты встанешь на ноги, село? / Когда окрепнешь, / Смысл свой ощущая?» [8, 308–309]. Обращение Н. Ишуткина к осмыслению событий современной действительности обусловлено обострением национальных проблем – постепенным угасанием языка, ускорившимся процессом ассимиляции иноязычной культуры в национальную среду, угрозой исчезновения этнического мира, обострением экологических проблем.

В поэме сочетается несколько стилей. В начале звучит народно-песенная речь: «В далёкие былые времена / Народов сотни на земле ютила / Седая Русь – / Великая страна / Оберегала, грела и кормила» [8, 304]. Некоторые строки поэмы сложены в духе литургической поэзии, близки к молитве: «Да не покинет Бог тебя вовек, / Убережёт он от гряды ошибок... / Хранит Россию сам Всевышний пусть, / И благодати будет не измерить» [8, 312]. Другие представляют собой манифестацию гуманистических и философских учений автора («Не сотвори другим ты камнепад, / Ведь изначально нет врагов среди прочих. // Всегда дарить другим своё тепло, / Добрейшим быть – так велено нам Богом. // <...> Ты только будь великим, человек, / Тогда во тьме звезду свою увидишь» [8, 311]).

Внимание поэта сконцентрировано на знаковых событиях истории России, концептуальной идее единства людей разных национальностей, их самоотверженности, стремлении к свободе, мобилизующей внутренние резервы, физические и духовные силы. Историческая тема в

поэме «Обездоленная Русь» раскрывается как реконструкция собственно социально-политических событий, так и отражение общественно-исторического сознания народа. Посредством приёма «стяжения времён» воссоздаётся целостная картина насыщенного драматическими событиями исторического пути Российского государства.

Поэма «Послевоенные дети» – поэма-воспоминание, замысел которого обусловлен категорией памяти и стремлением автора мыслями вернуться в мир детства. На первый взгляд, структура текста произведения выглядит неупорядоченной и нелогичной, напоминает поток сознания, представленный посредством ассоциаций, звукоподражаний, оборванности синтаксиса. Во вступлении автор оговаривает, что «на полвека назад» его уносят «фильмы-сны». Обращение к условному средству образности объясняет причину непоследовательности повествования.

Сельское послевоенное детство – особый мир с разнообразными, порой, полярными проявлениями, в соприкосновении с которым происходит становление личности, характера, темперамента, внутреннего опыта детской души; среда, где подросток постигает неизведанное, переживает амбивалентные интенции, преодолевает повседневные проблемы. По утверждению исследователей, «детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее неодинаковое социальное и культурное содержание в разные эпохи. Оно отражает одновременно убеждения, воззрения, ценностные ориентации общества и человека по отношению к детям, представляющие <...> своеобразную субкультуру, обладающую собственным языком, структурой, функциями» [11]. Именно этим вызван особый интерес к данной теме, поэтому топоним «детство» – один из самых востребованных в литературном дискурсе. Н. Ишуткин осознает детство как период формирования нравственно-этического потенциала и духовного стержня личности.

Обращение поэта к автобиографическому материалу обусловлено категорией памяти («Время шло, но память снова жгла»), духовными потребностями общества осмыслить трагедию войны, актуализировать вопрос о сохранении мира и его ценности. Автор использует традиционный для произведений данного проблемно-тематического кластера мотивно-образный код – «мотив голодного детства, раннего взросления детей, непосильного женского и детского труда,

память о погибших, мотив бессмертия павших на поле сражения героев» [15]. Сквозной мотив бессмертия воина-победителя заставляет размышлять о цене победы, драматической судьбе народа. «Жило село по законам своим, / Пусть многие пали на поле брани. // Но честь воздавали сполна все им, / Мы их поимённо знали... // Победа скрашивала нам боль, / Вселяла в сердца надежду. // И со страной одной судьбой / Мы трепетно жили, как прежде» [8, 298]. Очевидно стремление автора воспринять нравственный опыт детей послевоенных лет в формировании идеалов, ценностей, поведенческих стратегий будущих поколений. «И хоть тягот много и забот было, / Но держались все как нужно. // Жалоб не было. // Из года в год мы выросли. / Жили все мы дружно. / Времечко когда перепадёт, / На луга и в лес гурьбой ходили. // Было дел у нас невпроворот, / Этим мы и счастливы все были!» [8, 298].

Авторская мысль в произведении соединяет время военное («ещё вчера была война»), послевоенное и настоящее. Такое построение текста напоминает коллаж, повествование с хронологическим смещением. С этой целью реконструируются реалии деревенского быта военного и послевоенного периода («Раны лечит тяжкие страна, / Справившись с великою бедой»), занятия детей («...лошадей пасли, растили хлеб» [8, 297], «...Чтение любили дети все. <...> Кое-кто из нас писал стихи...» [8, 298], их полуголодное существование, поиски еды («Хлеба нет, крапива – тоже хлеб, / Бросишь в суп – и легче вмиг нутру... // Скоро, скоро ягоды пойдут, / Яблоки, орехи и грибы. Трудно дети сельские живут, / Дети самой тягостной войны...» [8, 297]. Посредством данных картин воссоздаётся драма послевоенного поколения, одновременно подчёркивается изменившаяся система ценностей, отношение к хлебу, труду на земле. Однако детство для поэта определяется не только социально-бытовыми проявлениями и общественно-культурными изменениями, но и отношениями в семье, друзьями, личными впечатлениями.

Образ послевоенного детства выстраивается из фиксации ощущений личного опыта, который, несмотря на сложности, воспринимается как счастливое время («В жизни праздник ощущали сквозь беды мы...» [8, 301]), что определяется механизмом памяти: в ней сохраняется то, что произвело большое впечатление, связано с сильными, положительными эмоциями. Авторское изложение воспоминаний о детстве позволяет

уловить индивидуальные особенности его памяти, уникальность восприятия им, ребёнком, окружающей действительности, одновременно оно выражает настроения целого поколения.

Ключевой концепт поэмы «Послевоенные дети» – идея сохранения мира, передачи духовного опыта и нравственных ценностей молодому поколению, поэтизация самоотверженного труда детей, у которых война отняла беззаботное детство, заставила повзрослеть раньше времени и принять на себя обязанности и заботы взрослых.

Обсуждение и заключения

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в «маленькой поэме» Н. Ишуткин обращается к воссозданию исторической судьбы эрзянского народа, изображению личности определённой социокультурной эпохи, осмыслению специфики национальной духовной культуры, традиционной обрядовой сферы, этнического мировосприятия, философии этноса. Художественная интерпретация данных проблем свидетельствует о том, что автора отличает развитое государственное сознание и чёткая гражданская позиция. Он манифестирует гуманистические принципы построения государственного строя, нравственные критерии жизни общества.

В поэме «Священное древо» архетип «мировое древо» является смыслообразующим и структурообразующим компонентом, концептуальной основой произведения. Авторская интерпретация данной мифологемы, осмысление связанных с образом-символом священного дерева базовых понятий веры, бесконечности,

времени, рода обусловлены спецификой авторского мировоззрения, особым интересом к аутентичным образам и формам мироощущения, стремлением возродить этнические константы, духовные ценности предков, репрезентовать модель национальной картины мира.

Проблематика поэмы «Обездоленная Русь» имеет историко-государственные, социокультурные и национальные составляющие. В контексте системы духовных ценностей автор раскрыл проблему взаимоотношений государства и народа в определённые исторические эпохи. В новейшей истории России важными для автора признаются вопросы суверенитета и геополитических интересов Отечества. Ориентация на национальные проблемы прослеживается в осмыслении культурно-этнической идентичности эрзянского народа, путей её сохранения, процесса формирования мордовской государственности и основанной на идеалах гуманизма традиционной культуры.

В поэме «Послевоенные дети» прослеживается смещение разных временных континуумов (военное, послевоенное время, настоящее), корреляция концептов «война», «детство», «память», звуковые ассоциации, посредством которых воссоздаётся портрет детского поколения определённой эпохи. В произведении взгляд взрослого человека перемежается с видением ребёнка, для которого значимы отдельные детали, характерные признаки детства. Поэту удаётся создать эффект восприятия событий и обстоятельств самими детьми. Обращение Н. Ишуткина к изображению образа послевоенного детства обусловлено духовными потребностями общества, а также особенностями творческого мышления автора.

Список источников и литературы

1. Алёшкин А. В. Эпос дружбы: типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 184 с.
2. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Современная мордовская литература: синтез традиций и новаторства (на материале изданий 2016 г.) // Финно-угорский мир. 2017. № 2 (31). С. 20–29. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (дата обращения: 26.08.2019).
3. Барышников А. Б., Кошельник Е. И. Места силы // Новые исследования в разработке техники и технологий. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-sily> (дата обращения: 16.09.2019).
4. Гудкова С. П. Характер развития «итоговой» книги стихов как крупной жанровой формы в современной русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 19–29.
5. Гудкова С. П. Основные тенденции развития жанра поэмы (на материале творчества русских поэтов Мордовии) // Вестник угроведения. 2014. Т. 4. № 2. С. 18–24.
6. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 336 с.
7. Ельцова Е. В. Основные тенденции развития коми поэмы рубежа XX–XXI вв. // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 231–240.

8. Ишуткин Н. Избранные произведения: в 3 т. Саранск: Литературный фонд России, 2016. Т. 2. 424 с.
9. Лихоманова А. А. Национально-государственные идеи А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник» // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). URL: <https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2018/12/VFV-4-2018.pdf> (дата обращения: 25.08.2019).
10. Налдеева О. И. Типологическое и национально-обусловленное в становлении и развитии мордовской поэмы // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 4. С. 101–104.
11. Ромашова М. В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX и XXI веков // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2005. № 5. URL: <http://histvestnik.psu.ru/PDF/2005/08.pdf> (дата обращения: 31.08.2019).
12. Рябов Н. В. Образ мирового древа как опора мироздания финно-угорского народа // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 103–106.
13. Спепин С. Н., Кубанцев Т. И. Способы выражения архетипа «мировое древо» в современной поэзии Мордовии // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1. С. 78–81.
14. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Кн. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 400 с.
15. Федорова Л. П. Тема военного детства в удмуртской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №1 (79). Ч. 1. С. 63–66.
16. Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск: НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия, 2009. 412 с.
17. Araya G. «Canto general» of Neruda as epic-lyric poem // Revista de critica literaria Latinoamericana. 1978. Vol. 4, № 7–8. Pp. 119–152. DOI: 10.2307/4529873.
18. Costa D. Apocalypse: An Epic Poem // KronoScope: The Journal for the Study of Time. 2018. Vol. 18. № 1. Pp. 91–94. DOI: 10.1163/15685241-12341408.
19. Dulibic-Paljar D. On female personification in Barakovic's poem «Vila Slovinka» // Fluminensia. 2018. Vol. 30. № 2. Pp. 269–282. DOI: 10.31820/f.30.2.5.
20. Leporati M. Ann Yearsley's «Brutus» and the Evangelical Epic Poem // Studies in romanticism. 2018. Vol. 57. № 2. Pp. 265–300.
21. Wright R. The Poem of the Cid and the Spanish Medieval Epic: new critical approaches // Bulletin of Hispanic studies. 2018. Vol. 95. № 8. Pp. 917–918. DOI: 10.3828/bhs.2018.53.

References

1. Aleshkin A. V. *Epos družhbyi: tipologiya zhanra poemy v literature narodov Povolzhya* [Epos of friendship: typology of a poem genre in literature of the Volga peoples]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985. 184 p. (In Russian)
2. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Sovremennaya mordovskaya literatura: sintez tradicij i novatorstva (na materiale izdanij 2016 g.)* [Modern Mordovian literature: synthesis of traditions and innovation (based on materials of publications of 2016)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2017, no. 2 (31), pp. 20–29. Available at: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (accessed August 26, 2019). (In Russian)
3. Baryshnikov A. B., Koshelnik E. I. *Mesta sily* [Places of power]. *Novye issledovaniya v razrabotke tekhniki i tekhnologij* [New research in development of technique and technologies], 2014, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-sily> (accessed September 16, 2019). (In Russian)
4. Gudkova S. P. *Harakter razvitiya «itogovoj» knigi stihov kak krupnoj zhanrovoj formy v sovremennoj russkoj poezii Mordovii* [Character of development of the «final» book of poems as the major genre form in modern Russian poetry of Mordovia]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 19–29. (In Russian)
5. Gudkova S. P. *Osnovnye tendencii razvitiya zhanra poemy (na materiale tvorcestva russkih poetov Mordovii)* [Main trends of development of the poem genre (based on the material of creative work of Russian poets of Mordovia)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 4 (2), pp. 18–24. (In Russian)
6. Devyatkina T. P. *Mifologiya mordvy* [Mythology of the Mordovian people]. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 1998. 336 p. (In Russian)
7. Eltsova E. V. *Osnovnye tendencii razvitiya komi poemy rubezha XX–XXI vv.* [The main trends of development of the Komi poem at the turn of the XX–XXI centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 231–240. (In Russian)
8. Ishutkin N. *Izbrannye proizvedeniya. Stihotvoreniya, pesni, poemy* [The selected works. Verses, songs, poems]. Saransk: Literaturnyj fond Rossii Publ., 2016. Vol. 2. 424 p. (In Russian)

9. Likhomanova A. A. *Nacional'no-gosudarstvennye idei A. S. Pushkina v poeme «Mednyj vsadnik»* [National and state ideas of A. S. Pushkin in the poem «The Bronze Horseman»]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], 2018, no. 4 (15). Available at: <https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2018/12/VFV-4-2018.pdf> (accessed August 25, 2019). (In Russian)

10. Naldeeva O. I. *Tipologicheskoe i nacional'no-obuslovlennoe v stanovlenii i razvitii mordovskoj poemy* [The typological and the nationally caused in formation and development of the Mordovian poem]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2012, no. 4, pp. 101–104. (In Russian)

11. Romashova M. V. *Reprezentaciya sovetskogo detstva v memuarnej literature rubezha XX i XXI vekov* [Representation of Soviet childhood in memoir literature of the turn of the XX and XXI centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorii* [Vestnik of Perm University. History], 2005, no. 5. Available at: <http://histvestnik.psu.ru/PDF/2005/08.pdf> (accessed August 31, 2019). (In Russian)

12. Ryabov N. V. *Obraz mirovogo dreva kak opora mirozdaniya finno-ugorskogo naroda* [The image of the world tree as the pillar of the universe of the Finno-Ugric people]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 2, pp. 103–106. (In Russian)

13. Spepin S. N., Kubantsev T. I. *Sposoby vyrazheniya arhetipa «mirovoe drevo» v sovremennoj poezii Mordovii* [The ways of expression of the archetype the «World Tree» in modern poetry of Mordovia]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2012, no. 1, pp. 78–81. (In Russian)

14. *Ystno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. Epicheskie i liro-epicheskie pesni* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. Epic and lyro-epic songs], no. 1 (1). Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 400 p. (In Russian)

15. Fedorova L. P. *Tema voennogo detstva v udmurtskoj poezii* [The theme of military childhood in Udmurt poetry]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 79 (1), part 1, 63–66. (In Russian)

16. Yurchenkova N. G. *Mifologiya mordovskogo etnosa: genesis i transformacii* [Mythology of the Mordovian ethnos: genesis and transformations]. Saransk: NII GN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya Publ., 2009. 412 p. (In Russian)

17. Araya G. «Canto general» of Neruda as epic-lyric poem. *Revista de critica literaria Latinoamericana*, 1978, no. 4 (7–8), pp. 119–152. DOI: 10.2307/4529873. (In Spanish)

18. Costa D. Apocalypse: An Epic Poem. *KronoScope: The Journal for the Study of Time*, 2018, no. 18 (1), pp. 91–94. DOI: 10.1163/15685241-12341408. (In English)

19. Dulibic-Paljar D. On female personification in Barakovic's poem «Vila Slovinka». *Fluminensia*, 2018, no. 30 (2), pp. 269–282. DOI: 10.31820/f.30.2.5. (In English)

20. Leporati M. Ann Yearsley's «Brutus» and the Evangelical Epic Poem. *Studies in romanticism*, 2018, no. 57 (2), pp. 265–300. (In English)

21. Wright R. The Poem of the Cid and the Spanish Medieval Epic: new critical approaches. *Bulletin of Hispanic studies*, 2018, no. 95 (8), pp. 917–918. DOI: 10.3828/bhs.2018.53. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68); доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410